

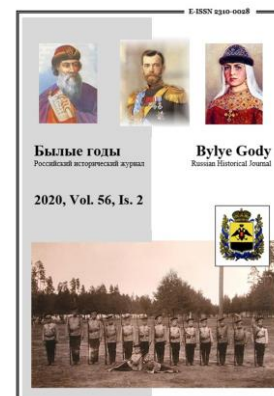
Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 56. Is. 2. pp. 709-720. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.2.709
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Taxation System of the Indigenous Population of the Central Asian Suburbs of the Russian Empire and the Problem of Profitability of the Region (70 years of the XIX – early XX century)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the system of direct and indirect taxation of the indigenous population of the Central Asian suburbs of the Russian Empire on the basis of legal acts and records. It is emphasized that the tax policy in this ethno-region was an important component of the process of its modernization and was implemented in line with the government's discussion on the rationalization of the economy of national suburbs, increasing the efficiency of using their resources and reducing the center's costs for their maintenance. In this regard, during the 70s of the XIX – first decade of the XX century, the state took various measures aimed at increasing the total amount of tax payments by the indigenous population of the Steppe region and Turkestan. In the end, the regional model of taxation has acquired a number of distinctive features, including: various ways of calculating and paying taxes to nomadic and settled populations, granting them preferences in paying both direct and indirect taxes. The author comes to the conclusion that the solution to the problem of profitability of the Central Asian tax model was significantly hindered by a number of objective factors: understaffing of tax authorities – land-tax inspections, imperfect legislation that restricts the ability of tax authorities to collect taxes, inertia of regional authorities, peculiarities of the structure of employment and income of the population, etc. As a result, government circles were forced to recognize that using only data on Russia's expenditures and revenues in the Central Asian region could not objectively reflect its role in the General Imperial economy. Therefore, on the eve of the First world war, they stopped looking for ways to increase its profitability by increasing direct and indirect taxation of the indigenous population.

Keywords: Russian Empire, Steppe region, Turkestan, tax system, profitability, direct and indirect taxes.

1. Введение

На фоне не прекращающегося на протяжении XIX в. соперничества ведущих мировых держав на Среднем Востоке Центрально-Азиатский регион являлся приоритетным направлением внешней политики Российской империи (Charginova et al., 2020). Руководствуясь решением прежде всего геостратегических задач, российская политическая элита неизменно наращивала военное присутствие в Степном крае и Туркестане посредством формирования Сибирского и Семиреченского казачьих войск, а также регулярных воинских частей, на основе которых был образован Туркестанский военный округ.

Специфика политики России в Центрально-Азиатском регионе определила особый характер взаимосвязи центра и периферии, а также модель их бюджетно-финансовых отношений. В отличие от Царства Польского и Финляндии, где существовали автономные бюджеты, а имперское казначейство всегда претендовало на выплату определенного «взноса» в общую казну (Яснопольский, 1890; Сабуров, 1899; Правилова, 2006), бюджеты центральноазиатских

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

национальных окраин и метрополии не были разделены. С 60-х гг. XIX в. гражданская администрация Степного края и Туркестана, а также войска Туркестанского военного округа содержались за счет государственного казначейства, при этом его расходы почти в три раза превышали сумму доходных поступлений от региона. Так, за период 1867–1881 гг. в казну от Туркестанского генерал-губернаторства поступило 32423391 руб., между тем израсходовано 99546595 руб. Таким образом, дефицит за 12 лет составил 67123204 руб. ([Проект всеподданнейшего отчета...](#), 1885). В последующие 15 лет ситуация не изменилась, и, например, в 1881 г. доходы империи от Туркестана составили 4119491,69 руб., расходы – 13505951,28 руб., в 1885 г. доходы – 7106521 руб., расходы – 11105698,63 руб., в 1890 г. – доходы – 6609740,67 руб., расходы – 9227124,42 руб., 1895 г. – доходы – 7834481,7 руб., расходы – 10619018,85 руб. (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 179. Л. 11-27 об.).

Финансовое состояние центральноазиатских окраин не могло не привлекать внимание правительства. Оно рассматривалось в русле правительственной дискуссии о рационализации экономики этнорегионов, повышении эффективности использования их ресурсов и снижении издержек центра на их содержание. Вопрос о повышении доходности Степного края и Туркестана особенно актуализировался после состоявшегося англо-русского разграничения Среднего Востока на сферы влияния. Рост их рентабельности в условиях крайне низкого регионального промышленно-экономического потенциала, по мнению правящей элиты, мог состояться только при условии увеличения прямого и косвенного налогообложения коренного населения. Именно в данном контексте разворачивались все дискуссии и реформы, инициированные финансово-административными органами метрополии и Центрально-Азиатского региона в 80 гг. XIX – первое десятилетие XX вв.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе широкого круга исторических источников. Привлечение нормативно-правовых актов – Временных положений об управлении Степным и Туркестанским генерал-губернаторством, Устава о гербовом сборе и т.д. – позволило определить этапы эволюции и особенности системы налогообложения коренного населения центральноазиатских окраин Российской империи. Взгляды правительства на проблему повышения рентабельности региона представлены в отчетах сенаторских ревизий Туркестанского края, состоявшихся в 1882 и 1908 гг. под руководством Ф.К. Гирса и К.П. Кауфмана соответственно. Существенно дополняют данную информацию Всеподданнейшие отчеты степного и туркестанского генерал-губернаторов, военных губернаторов областей, межведомственная переписка, выявленные в РГИА. В совокупности делопроизводственные источники позволяют провести комплексный анализ системы прямого и косвенного налогообложения коренного населения исследуемого региона и оценить эффективность проводимых финансово-административными органами мероприятий, связанных с повышением его доходности.

Методологической основой статьи выступила теория модернизации, позволяющая рассматривать генезис и эволюцию системы налогообложения коренного населения Степного края и Туркестана как один из механизмов преобразования Российской империей традиционного социально-экономического пространства. Для реализации задач исследования применялись историко-генетический, историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Накопление знаний по проблемам экономики центральноазиатских окраин России началось еще в имперский период. Целый ряд экономистов, статистов и исследователей уделял внимание вопросам поземельных отношений, аграрной колонизации региона, развития промышленного и перерабатывающего производства, банковской системы и т.д. ([Верховской, 1910](#); [Заорская, Александр, 1915](#); [Оглоблин, 1914](#); [Шахназаров, 1908](#)). Однако в рамках правительственной политики, связанной с превращением Степного края в объект крестьянской колонизации, а Туркестана – в хлопководческий регион, работы дореволюционных авторов носили прикладной характер и были нацелены на разработку конкретных рекомендаций правительству по совершенствованию аграрных преобразований в регионе. Поэтому налоговой политике в них уделялось незначительное внимание.

В советский период положения марксистско-ленинской методологии нацеливали исследователей на анализ сложных экономических процессов исключительно в контексте доказательств того, что центральноазиатские окраины являлись «рынком сырья» и «рынком сбыта» России-метрополии. Налоговая политика государства оценивалась как процесс усиления колониальной эксплуатации коренного населения и его экономического закабаления, поэтому внимание исследователей концентрировалось лишь на описании количества, видов, размеров налогов ([Вяткин, 1974](#)). Все это крайне сужало возможность проведения более глубокого анализа финансовых связей метрополии со Степным краем и Туркестаном, бюджетной политики правительства в отношении региона, эволюции налоговой системы в контексте повышения его рентабельности.

Весь спектр данных вопросов стал исследоваться только в современной историографии. Наиболее удачной попыткой их анализа следует считать работу Е. Правилевой, посвященную финансовой политике Российской империи в национальных окраинах ([Правилова, 2006](#)). Отдельные

аспекты налоговой политики России в Степном крае и Туркестане затрагивались в исследованиях Д.В. Васильева, Т.В. Котюковой, Ю.А. Лысенко, Б.А. Алимджанова (Васильев, 2018; Котюкова, 2010; Лысенко, 2013; Алимджанов, 2016). Вопросы эволюции налоговой системы в контексте проблемы повышения доходности центральноазиатских окраин и реализации правительственных мер в данном направлении в историографии не проводились.

4. Результаты

Проблема повышения рентабельности центральноазиатских окраин Российской империи затрагивала в первую очередь систему налогообложения коренных этносов, составлявших 80–95 % общей численности населения. Последняя начала формироваться с 20-х гг. XIX в. – с момента введения Уставов о сибирских и оренбургских киргизах и проведения первых административно-территориальных и налоговых преобразований в Казахской степи. Однако завершённую и более или менее унифицированную форму центральноазиатская модель прямого налогообложения населения приобрела в 60-гг. XIX в. в связи с принятием Временных положений об управлении степными областями Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, а также областями Туркестанского генерал-губернаторства. Она юридически закрепила податный статус коренного населения и по своей структуре отражала особенности экономического уклада региона, подразделяясь на две составляющие: налоги для кочевого и налоги для оседлого населения.

По Временному положению об управлении областями Степного края 1868 г. кочевое население – казахи – выплачивало в пользу казны фиксированную кибиточную подать, составлявшую 3 руб. с юрты. Количественный состав семьи, проживающей в юрте, при этом не учитывался. Несмотря на то, что по закону состоялось огосударствление земельных ресурсов региона, пастбища предоставлялись в бессрочное и безвозмездное пользование кочевой общине. Таким образом исключалась возможность формирования частного владения пастбищными угодьями. Казахская община, согласно ст. 210, 234-235 Временного положения 1868 г., по взаимному согласию могла сдавать принадлежащие ей по праву пользования земли в аренду для земледелия, сенокосения и разработки месторождений полезных ископаемых. Размер земских сборов и повинностей для кочевников Степного края составлял 1,5 руб.

По Временному положению 1867 г. кочевое население Туркестанского края платило налог 2,75 руб. в пользу российской казны. Спустя два года в регионе дополнительно был введен земской сбор: кочевники Сырдарьинской области вносили его в размере 0,75 руб. с кибитки, в Семиреченской – 0,25 руб. с кибитки. По сведениям Туркестанской казенной палаты, в период с 1868 по 1874 гг. кочевники края в среднем выплачивали покибиточный налог в размере 665685 руб. в год. В степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств кочевники вносили 1,5 руб. покибиточной подати и земской сбор до 0,5 руб. с юрты (Отчет ревизиющего по высочайшему повелению..., 1883: 372-373).

На рубеже 70–80 гг. XIX в. ставшая очевидной низкая рентабельность центральноазиатских окраин Российской империи актуализировала вопрос о целесообразности увеличения налогового бремени на кочевое население региона. Главным аргументом властей в пользу положительного решения вопроса выступал тот факт, что материальное благополучие скотоводов увеличивалось за счет роста цен на скот. В частности, в 1881 г. в проекте всеподданнейшего отчета генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман отмечал, что «независимо от удовлетворения продовольственных и производственных потребностей киргизского населения скотоводство доставляет последнему доходы не менее 50 рублей средним числом на каждую кибитку». Поэтому налоговые выплаты в размере 4–6 рублей в год, которые выплачивали скотоводы в виде кибиточной подати, земских и общественных сборов, чиновник считал необременительными и потому допускал их увеличение (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 148).

Интересным представляется то, что во всеподданнейшем отчете К.П. Кауфман высказал идею о необходимости новых подходов к начислению налога для кочевого населения региона. Он предложил отказаться от кибитки как фискальной единицы и взять за основу налога либо размер пастбищного землепользования, либо «сороковину» – 2,5 % со стада, содержащегося кочевниками. «Кибитка, – отмечал он, – установленная как единица налогообложения не дает сама по себе никакого понятия о податных средствах киргизских плательщиков: это, с одной стороны, и богатое кочевое хозяйство и ...убогая «кепе» – первобытный шалаш из камыша, составляющий крайне жалкое помещение для семьи бедного егинши – хлебопашца». Исходя из этого К.П. Кауфман подчеркивал, что «кибиточная подать падает в одном случае на 100–200 десятинное киргизское пастбище, обеспечивающее содержание на подножном корму не менее 10 голов крупного рогатого скота и около 20–50 голов мелкого рогатого скота, в другом случае взимается с поля, для орошения которого нужен ежегодный значительный труд и на котором средний земельный участок не выходит за пределы 2–3 десятин» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 156 об.).

В случае сохранения кибиточной подати туркестанский генерал-губернатор считал целесообразным руководствоваться реальным земельным ресурсом того или иного уезда, той или иной области, а также «далеко не одинаковыми платежными средствами и благосостоянием

кочевников в разных местностях киргизской степи» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 156). Он также предлагал не начислять налог на крупный рогатый скот, который, как правило, разводили обедневшие слои кочевого населения, и полностью освободить от уплаты налога со скота кочевников, «не кочующих и живущих оседло». По подсчетам К.П. Кауфмана, «предполагаемая подать со скота по умеренной традиционной норме в 2,5 % его стоимости могла бы возрасти до 1599201,07 руб. в год», т.е. в два раза по сравнению с той суммой, которую выплачивали скотоводы Туркестанского генерал-губернаторства (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 50. Л. 158-158 об.).

Как известно, предлагаемые К.П. Кауфманом меры, направленные на рост доходов региона, нашли практическое применение. Покибиточная подать была увеличена в 1882 г. в Туркестане, а четыре года спустя – в Степном крае. Кочевники стали платить 4 рубля с кибитки. При раскладке налогов, осуществлявшихся на аульных сходах, стало учитываться имущественное положение общинников – численность скота. Благодаря этому, в некоторых областях края беднейшие скотоводческие хозяйства освобождались от выплаты кибиточной подати, у остальных кибитковладельцев диапазон выплат колебался от 1 до 100 руб. Введенные изменения являлись легитимными, поскольку были утверждены специальным распоряжением генерал-губернатора Степного края в 1886 г. В конечном итоге это позволило снизить налоговую нагрузку на малоимущие слои казахского общества и сократить размеры недоимок (Всеподданнейший отчет по..., 1887: 14; Всеподданнейший отчет..., 1899: 24). Помимо кибиточной подати, в 80 гг. XIX в. был увеличен до 3 руб. земский сбор. Таким образом, общая сумма налоговых выплат скотоводов доходила до 7 руб. с кибитки.

В последующие годы центральные и региональные власти постоянно возвращались к проблеме увеличения доходности центральноазиатских окраин Российской империи за счет использования экономических ресурсов коренного кочевого населения. Например, ревизирующая Туркестанский край в 1882 г. сенаторская комиссия под руководством Ф.К. Гирса признавала, что решение об увеличении кибиточной подати до 4 руб. было принято скоропалительно и настаивала на том, что ее размер можно повышать без особой экономической нагрузки на кочевые хозяйства. Данный вывод подкреплялся тем, что проектируемая Степной комиссией в 60-е гг. XIX в. сумма налога с одной кибитки определялась стоимостью одного барана – 2,25 руб. По прошествии двадцати лет его цена в Туркестане возросла до 9 руб. (Отчет ревизирующего по высочайшему..., 1883: 374).

На рубеже XIX–XX вв. резкой критике стала подвергаться государственная политика невмешательства в раскладку и сбор налогов с коренного кочевого населения Центрально-Азиатского региона. Как уже указывалось выше, согласно ст. 308–309 Туркестанского положения 1886 г. и ст. 145 Степного положения 1891 г. раскладка суммы между отдельными кибитковладельцами должна была производиться один раз в три года на аульных сходах с учетом благосостояния плательщиков. Однако на практике данные законодательные нормы нарушались: аульные собрания не проводились, аульные старшины самостоятельно распределяли налоги, решения о распределении сумм кибиточного сбора и его поступлений документально не фиксировались. Все это порождало злоупотребления при раскладке окладов, «к явной выгоде богатых и влиятельных членов общества и в ущерб менее состоятельной части плательщиков» (Отчет по ревизии..., 1910: 18).

Решение совокупности данных проблем чиновники видели в усилении контроля за аульными и волостными старшинами в период покибиточных раскладок. Для этого в 1898 г. в должностные обязанности чиновников региональных налоговых органов было введено посещение аульных сходов во время раскладки подати. Также принимались меры к упорядочению документооборота в системе местного самоуправления. Аульным старшинам предписывалось направлять уездной администрации и податным инспекторам ведомости и о раскладках и выплатах кибиточного сбора (Лысенко, 2013: 179-180). Однако, по заключению сенаторской ревизии К.П. Палена Туркестанского края, состоявшейся в 1908 г., система налогового обложения коренного кочевого населения Степного края и Туркестана и в первые годы XX в. сохраняла все вышеуказанные недостатки. Все это непосредственно влияло на эффективность сбора налога и в целом снижало доходность региона (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 167 об.).

Формирование системы налогообложения коренного оседлого населения Туркестанского генерал-губернаторства осуществлялось региональными органами власти достаточно болезненно и медленными темпами. Ситуация объяснялась отсутствием кадастровой переписи земель региона и, таким образом, невозможностью податным инспекторам определять размеры землепользования отдельных хозяйств. Влияние на региональную налоговую политику оказывал и факт наличия различных категорий земельных ресурсов – поливных/ирригационных, неполивных/богарных, вакуфных. Кроме этого, территория генерал-губернаторства на протяжении 60–70 гг. XIX в. неизменно расширялась на счет ликвидации Кокандского ханства, аннексии отдельных территорий Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Это являлось дополнительным дестабилизирующим фактором, исключавшим возможность планомерного и последовательного проведения налоговой реформы.

Поэтому период 60 – середины 80 гг. XIX столетия характеризовался поиском российскими региональными органами власти оптимальной модели налогообложения земледельческого населения. При этом, как правило, ими продолжала использоваться традиционная система налогообложения, предполагавшая выплату танапного (налог на землю) и хараджного (налог на

урожай) сборов, в основе которых был заложен принцип подоходности. В 1869 г. генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман впервые ввел ежегодную фиксированную сумму окладной поземельной подати по образцу раскладочной системы внутренних губерний Российской империи. 288504 рубля установленного налога были распределены между волостями на основе танапного и хараджного сборов. В последующие годы суммы окладной поземельной подати К.П. Кауфманом неизменно увеличивались, достигнув в 1882 г. 505024 руб. (Правилова, 2006: 167).

После включения в состав Туркестанского генерал-губернаторства Заравшанского округа данная модель была распространена и на его оседлое население. С 1877 г. оседлое население Амударьинского отдела было обложено оброком в размере 1 руб. 80 коп. с десятины без учета доходности земель. В Ферганской области в 1876–1881 гг. население уплачивало хараджный и танапный сборы. В 1881 году Кауфман поручил специальным организационным комиссиям ввести взамен этих сборов оброчную подать с обрабатываемых земель в размере 1/10 дохода. Поземельно-податные комиссии должны были измерить площади культурных земель и провести оценку их доходности (Правилова, 2006: 173). Таким образом, экспериментальным путем по мере закрепления позиций России в Туркестанском крае традиционная система налогообложения постепенно заменялась на новую модель начисления и выплаты налогов. На протяжении 60–70 гг. XIX в. размер налогов поступлений с коренного оседлого населения Туркестана варьировал от 1200000 до 1700000 рублей (Отчет ревизиющего по высочайшему..., 1883: 377).

В 1882 г. ревизионная комиссия Ф.К. Гирса сформировала пакет рекомендаций, направленных на повышение доходности Туркестана за счет совершенствования системы налогообложения коренного оседлого населения. Принципиально новым подходом Комиссии стало предложение считать податной единицей не сельское общество, а отдельных владельцев земли и облагать исключительно доходность земли, а не размер земельного владения. Главным аргументом в пользу данного решения являлся тот факт, что «при интенсивности земледельческого хозяйства Средней Азии, состоящего в прямой зависимости от распределения ирригационной воды, один размер земли как предмет и норма обложения не имеет никакого значения, ибо в пределах оседлого Туркестана земля неорошаемая не имеет никакой ценности и никакого дохода» (Отчет ревизиющего по высочайшему..., 1883: 390-391). Центральной задачей региональной администрации Комиссия видела необходимость скорейшего установления средней доходности земли в податных единицах – отдельных земледельческих хозяйствах (но не сельских обществ) – с последующим установлением налога в размере 1/10 валово-поземельного дохода с каждой податной единицы. Так же, как и у кочевого населения Центрально-Азиатского региона, распределение окладной подати на селение по отдельным хозяйствам Ф.К. Гирс предлагал предоставить самим жителям этих селений посредством выборных ими для этого лиц (Отчет ревизиющего по высочайшему..., 1883: 391).

Рекомендации комиссии Ф.К. Гирса были приняты во внимание и закреплены в принятом в 1886 г. новом Положении об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. Как отмечает Е. Правилова, «земельный вопрос был решен в пользу закрепления частной собственности на землю, обрабатываемую населением. Таким образом, понятие государственного оброка, введенное Кауфманом, стало неприменимо, так как подразумевало собственность государства» (Правилова, 2006: 177). Согласно Положению, все поливные (иригационные) земли Туркестана, принадлежавшие как сельским обществам, так и отдельным землевладельцам, облагались государственным поземельным налогом в размере 1/10 средней валовой доходности участка. При этом учитывались площадь обрабатываемой земли, средняя урожайность участка и средние цены на продукцию, которую оно выращивало. Размер налога определялся на 6 лет. Неполивные (богарные) земли также облагались поземельным налогом с валовой доходности, но она исчислялась ежегодно в зависимости от собранного в платежном году урожая (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 59 об.).

В конце 1890-х гг. Министерство финансов вновь подняло вопрос об изменении положения окраин в бюджете Российской империи, в том числе Туркестана. С этой целью предлагалось завершить обложение поземельным налогом оседлое население региона и привлечь его к несению прочих повинностей. Выработкой рекомендаций и предложений по этому вопросу было поручено заняться Комиссии Кобеко, на основании работы которой к концу 90-х гг. XIX в. были подготовлены проект Положения об уездных поземельно-податных присутствиях в Туркестанском крае, проект изменений некоторых статей Положения об управлении 1886 г. и Правил о введении поземельно-податного устройства.

С финансовой точки зрения пакет представленных поправок и дополнений в действующее законодательство был нацелен на повышение доходности Туркестана посредством распространения поземельного обложения на неорошаемые/богарные земли, в том числе необрабатываемые, а также земли кочевников, перешедших к оседлому образу жизни. Как отмечает Е. Правилова, «для упрощения поземельно-податных работ изменялись способы определения доходности земли. Для усиления контроля и координации податного обложения учреждались уездные поземельно-податные присутствия и должности уездных землемеров. Не менее важной стороной внесенных Комиссией Кобеко предложений было регулирование процесса закрепления земель в собственность, которое было отчасти направлено на ограничение перехода земель в руки местного

населения. С этой целью требовалось провести межевание только тех участков, которые орошаются и используются владельцем» (Правилова, 2006: 179). Все богарные необрабатываемые земли, в том числе земли кочевников, автоматически считались государственными, и за их использование полагалось взимать плату.

В последующие годы региональные органы власти предпринимали попытки увеличения доходности с обрабатываемых поливных и неполивных земель. Для этого земельно-податные комиссии Туркестана на рубеже XIX–XX вв. активно проводили кадастровую перепись земель, при помощи должностных лиц туземной администрации и уездных начальников осуществлялось распределение запашек и земель на разряды для составления податных расчетов и т.д. В 1909 г. был принят закон, согласно которому налогообложению подлежали все неполивные и необрабатываемые земли, находящиеся в «постоянном, потомственном пользовании, владении и распоряжении коренного населения» в размере постоянных десятинных окладов (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 61 об.). Колониальная администрация предлагала также перейти к налоговым ставкам по чистой доходности, а не по валовой доходности с земель. Но, как отмечало Совещение, собранное при туркестанском генерал-губернаторе в 1909 г., для перехода к чистой доходности требовались дорогостоящие кадастровые работы, которые еще не были проведены в регионе повсеместно (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 175. Л. 51-51 об.).

Отдельное внимание в контексте проблемы повышения доходности Центрально-Азиатского региона уделялось вакуфному землевладению. Центральные и региональные органы власти осознавали, что вакуфное имущество является мощным источником финансового могущества мусульманского духовенства и религиозного фанатизма. Однако пойти на кардинальную ломку вакуфной системы российская администрация не решалась. Как отмечает Ш.Б. Мухамедов, вопрос о снятии вакуфных привилегий мог вызвать «с одной стороны, неблагоприятные последствия вследствие недовольства наиболее влиятельного и фанатичного класса населения – мусульманского духовенства, а с другой – с упразднением вакуфов правительству пришлось бы принять на себя содержание мусульманского духовенства и расходы на народное образование и общественное призрение, что едва ли было по силам администрации и средствам Государственного казначейства» (Мухамедов, 2015; 270).

Поэтому вакуфная система в регионе сохранялась. Согласно ст. 286 Туркестанского положения 1886 г., от государственного земельного и других видов налогов были освобождены вакуфные земли, не используемые под запашку. Ст. 299 определяла, что поземельный налог от вакуфных населенных земель сначала поступал в туркестанское казначейство, а затем переводился в распоряжение мусульманских организаций – владельцев вакуфов (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 46 об.). В 1894 г. постановлением Кабинета министров с вакуфных земель Туркестана были отменены хараджный и танашный сборы. Вместо них вводился существующий в крае государственный поземельный налог, который, согласно упомянутой выше ст. 299 Положения 1886 г., вносился налогоплательщиками в казначейство и затем по ассигнациям уездного начальника выдавался представителям вакуфных учреждений.

Стремление региональных органов власти к увеличению доходности Туркестана привело к тому, что в конце XIX в. они предприняли попытку получить юридическое право на отчуждение 1 % от земельного налога, собранного с вакуфных имуществ медресе в так называемый запасный вакуфный фонд. Данная инициатива была озвучена в феврале 1896 г. на заседании Совета туркестанского генерал-губернатора 3-м инспектором народных училищ В.П. Наливкиным. Выплаты в размере 1 % от доходов, по его мнению, следовало собирать с высших мусульманских учебных заведений – медресе, получавших прибыль от своих владений выше 1000 рублей в год. Вакуфный фонд чиновник предполагал направлять на поддержку региональной образовательной системы, прежде всего выплату зарплаты учителям русского языка в мусульманских школах, а также на улучшение материального состояния классов русского языка в них. Обсуждение данного предложения, инициированное генерал-губернатором Туркестана с привлечением к дискуссии военных губернаторов областей, завершилось признанием данной меры «несвоевременной и опасной» (Мухамедов, 2015; 282).

В контексте повышения доходности центральноазиатских окраин России в зоне пристального внимания региональных органов власти находилась проблема недоимок при сборе налогов как с кочевого, так и оседлого населения. Причиной их появления были экономические трудности, возникающие у населения в результате засухи или болезни скота, эпидемии малярии, налета саранчи, а также растраты собранных средств или их сокрытия представителями туземной администрации. Однако, по мнению региональной администрации, главной причиной неполнообъемных поступлений было игнорирование коренным населением российской налоговой системы и саботирование платежей. Особенно явственно саботаж проявился в Степном крае и Туркестане 1906–1907 г. на волне событий первой русской революции. В эти годы размеры недоимок по отелным областям Центрально-Азиатского региона возросли до 25–50 % (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 45 об.).

Сборы, не выплаченные членами сельских обществ к концу установленного срока, согласно ст. 297–298 Туркестанского положения 1886 г., должны были взыскиваться принудительным порядком.

Законом сельское общество обязывалось в течение 2 месяцев после окончания срока внесения налога призвать неплательщика к его выплате, вплоть до принудительной продажи части движимого имущества. По истечении этого срока к решению проблемы подключались инспекторы поземельно-податных комиссий и уездные начальники (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 73). Как отмечает в связи с этим Е. Правилова, данные меры российского правительства основывались «на убежденности, что в Туркестане существует община с круговой порукой, как и во внутренних губерниях России. В 1887 г. генерал-губернатор Н.О. Розенбах даже ходатайствовал о законодательном закреплении в крае круговой поруки. Но Государственный совет отверг это предложение, сославшись на признанную уже нецелесообразность существования этого института в Европейской России» (Правилова, 2006: 184). Тем не менее весьма неточное представление о социальной организации потенциальных налогоплательщиков Туркестана и о том, что земледельческая община региона основывается не на земельных отношениях, а на общем водопользовании, приводила к просчетам, в данном случае в вопросах выплаты недоимок.

Как свидетельствуют материалы сенаторских ревизий Ф.К. Гирса и К.П. Палена, на протяжении 70 гг. XIX – начала XX вв. механизмы проведения принудительных мер к выплате налогов разработаны не были. Из-за этого «постановления ст. 297–298 Положения 1886 г. относительно изыскания сборов с оседлых туземцев принудительными мерами остаются почти мертвой буквою» (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 42). Не был законодательно определен круг обязанностей волостных управителей, которым Положением 1886 г. предписывалось вести наблюдение за тем, как сельские старшины вели подробные списки недоимщиков, а сельских старшинам – способы изыскания недоимок. Уездная администрация также не получила должностных инструкций по данному вопросу.

Все это приводило к накоплению значительных долгов по выплатам налогов. Например, в Ходжентском уезде оклад государственного поземельного налога с ирригационных земель в 1905 г. составил 365960,3 руб., а сумма недоимочной задолженности населения с 1 января 1906 г. – 321547 руб., с 1 января 1907 г. – 274734 руб., с 1 января 1908 г. – 72184 руб.

В Ташкентском уезде Сырдарьинской области Туркестана за период 1892–1902 гг. за оседлым коренным населением скопилась сумма недоимок, равная 454642,78 руб. поземельного налога и 2402,52 руб. – земских выплат. Для решения проблемы и взыскания недоимок с населения уезда были созданы специальные комиссии, работавшие в 1906 и 1907 гг. По итогам их работы выяснилось, что главной причиной формирования такой суммы недоимок стала слабость надзора уездной администрации за деятельностью туземных должностных лиц, ответственных за сбор налогов. В частности, указывалось, что в сельских обществах не велись ежегодные списки недоимщиков, а уездным начальством – погодовой регистрации недоимочной задолженности каждого сельского общества. Сбор податей проводился без выдачи квитанций, квитанционные книги велись безграмотно, некоторые из них были утеряны. Нередко податные расчеты составлялись земельно-податными комиссиями на целые общества, а не на индивидуальные хозяйства, что приводило к тому, что составители раскладок нередко распределяли сумму платежей на несуществующие объекты обложения – брошенные участки (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 43 об.).

Несмотря на требования Министерства финансов усилить со стороны региональных органов власти контроль за взысканием недоимок по государственному поземельному и земскому налогам, проблема так и не была решена. Например, процентное соотношение недоимок в общей сумме государственного поземельного сбора по Туркестанскому генерал-губернаторству на 1 января 1908 г. составило 19,4 %, на 1 января 1909 г. – 24,6 %; по земскому сбору на 1 января 1908 г. – 24,1 %, на 1 января 1909 г. – 32,6 % (РГИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 425. Л. 43 об.).

В целом отметим, что поиск оптимальной модели прямого налогообложения коренного населения центральноазиатских окраин Российской империи с целью повышения рентабельности региона занимал центральное место в деятельности административно-финансовых органов. Однако при этом также уделялось значительное внимание возможности увеличения доходов с региона за счет введения особых сборов и пошлин для физических лиц. Речь идет о гербовом сборе (Вородохин, 2014: 159–165)¹ и пошлине за совершение юридически значимых действий, связанных с государственной регистрацией прав собственности на имущество.

В центральноазиатских окраинах вопросы регулирования гербового сбора регламентировались Уставом о гербовом сборе, утвержденном в Российской империи в 1874 г. Однако в отношении коренного населения были введены особые установления, утвержденные в октябре 1876 г. мнением Государственного совета. Согласно принятому решению, в случае обращений коренного/мусульманского населения Туркестана к региональным органам по каким-либо вопросам,

¹ В бюджете Российской империи гербовый сбор играл не основную роль, однако затрагивал многочисленные и различные аспекты социальной и экономической деятельности населения империи. К ним относились дела, связанные с бракосочетанием и бракоразводным процессом, векселя (простые, переводные, кредитные, заграничные), денежные переводы, вклады, доверенности, договоры товарищества, договоры о неустойке, договоры аренды и т.д. Даже дипломы, которые выдавались учебными заведениями, подлежали оплате гербовым сбором.

а также в случае возникновения исковых дел между коренным населением, последнее освобождалось от уплаты гербового сбора и употребления гербовой бумаги.

Региональные органы власти Туркестанского края активно протестовали против введения данных льгот. Уже в 1877 г. генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман в своем отношении к военному министру высказался за введение Устава о гербовом сборе в полном объеме «без всяких льгот и исключений». Его основным аргументом стал тот факт, что «туземцы края достигли» к тому времени «вполне достаточной степени благосостояния» и выплата ими гербового сбора «никоим образом не отразится на их материальном состоянии». Однако предложения К.П. Кауфмана были признаны в Военном министерстве несвоевременными, так как шедшая в этот период очередная русско-турецкая война могла спровоцировать «брожения среди мусульманского населения края» в случае ужесточения налогового бремени (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 73 об.).

К вопросу о введении Устава о гербовом сборе в Туркестанском генерал-губернаторстве в полном объеме вернулись вновь в 1882 г. Вопрос стал предметом специального обсуждения на специально созванном совещании при Государственном совете. Но положительного решения по нему так и не было принято. Более того, в новой редакции Устава о гербовом сборе, принятой в Российской империи в 1885 г., в отношении туземного населения Туркестана ряд исключений о его уплате был сохранен (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 73 об.). В 1905 г. данные исключения были вновь законодательно закреплены Высочайше утвержденным мнением Государственного совета. Согласно закону, «1. Всякие договоры, сделки и обязательства, вносимые в книги народных судей в областях, входящих в состав Туркестанского генерал-губернатора, на сумму не выше 300 руб., а также выписки из означенных книг, копии договоров, сделок и обязательств, когда сумма оных не превышает 50 руб., освобождались от гербового сбора. 2. Указанные выписки и копии, касающиеся сделок на сумму 50–100 руб., подлежат простому гербовому сбору в 6 копеек за каждый лист, касающиеся сделок на сумму 100–200 руб. – в 10 коп, свыше 200 руб. – в 15 коп.» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 71).

Аналогичная ситуация складывалась и в вопросе отмены преференций для коренного населения Степного края и Туркестана на введенную в 1882 г. пошлину с переходящих имуществ, т.е. за государственную регистрацию прав собственности на имущество. В юридической терминологии эпохи пошлины с переходящих имуществ делились на крепостные пошлины, взимаемые при продаже недвижимого имущества, и пошлины с безвозмездного перехода имущества – от одних лиц к другим путем наследования и дарения.

Крепостная пошлина выплачивалась коренным населением только в том случае, если продаваемый земельный участок оценивался на сумму свыше 300 руб. Законом 1900 г. от платежа не только крепостных пошлин, но и гербового сбора освобождались акты об отчуждении в Туркестане земельных участков вне городских поселений стоимостью по договорной цене или на сумму, превышающую 300 руб., и акты безвозмездного перехода имущества. Туркестанские генерал-губернаторы в конце 80–90 гг. XIX в неоднократно выходили на Министерство финансов с предложением внести поправки в действующее законодательство. Сохранив оформление сделок о переходе движимого и недвижимого имущества у туземцев в ведении народных судей, они считали рациональным обязать последних «осуществлять установленный в империи сбор крепостных и наследственных пошлин». Однако реакции со стороны административно-финансовых органов не последовало (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 72 об.).

В условиях постоянной борьбы за повышение финансовой доходности центральноазиатских окраин инертность властных имперских структур в данном вопросе могла бы показаться странной. На самом деле они исходили из реальной ситуации на рынке недвижимости Туркестана, центральной проблемой которого являлось отсутствие в крае отлаженного механизма оценки стоимости имущества. Объективно невозможно было изъятие юридического оформления сделок, связанных с государственной регистрацией прав собственности на имущество, из ведения туземной администрации, поскольку в регионе не была создана альтернативная юридическая структура. Высказывались предположения и о том, что «поручать народным судьям сбор таких пошлин в условиях низкой степени их культурно-этического развития невозможно», тем самым намекая на неизбежность нарушений и сокрытие собранных с уплаты сбора и пошлины сумм (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 72 об.).

Что касается кочевого населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, то в условиях «особенностей его быта, создающего препятствия для учета скота, который только и может быть единственным предметом обложения наследственными пошлинами», а также «полной невежественности и малограмотности биев, на которых было по проекту возложено исчисление и взыскание пошлин, и известной склонности их к злоупотреблениям», региональные финансовые органы признали невозможным распространить на данную социальную группу действия Положения о пошлинах с перехода имущества (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 425. Л. 74 об.).

Департамент окладных сборов Министерства финансов трижды – в 1895, 1903 и 1905 гг. – возбуждал обсуждение вопроса об отмене льгот для коренного населения центральноазиатских окраин в выплате особых сборов и пошлин, однако никаких положительных решений по нему не последовало.

Помимо того, что коренное население Степного и Туркестанского генерал-губернаторств имело привилегии по косвенному обложению, оно было также освобождено от воинской повинности (Лысенко, 2012). В ситуации постоянного поиска имперскими властями источников повышения доходности этнорегиона вполне оправданной стала казаться идея о привлечении его мусульманского населения к участию в общеимперских военных издержках в форме выплаты особого «военного налога». Данная практика уже была апробирована Россией в Финляндии и Польше, выплачивавших свой «долг» империи в форме пособий из окраинных казначейств (Правилова, 2006:187).

Впервые с предложением о введении военного налога в Туркестане выступил генерал-губернатор А.Н. Куропаткин в 1879 г. На межведомственный уровень его обсуждение было вынесено в 1884 г. в связи с подготовкой нового проекта Положения об управлении Туркестанским краем. Однако меру признали преждевременной, и налог не был введен. Ситуация изменилась в 1886 г., когда Государственный совет принял решение о распространении действия закона о воинской повинности на Закавказье. Мусульманское население обязывалось вместо поставки новобранцев уплачивать военный налог в размере 528 тыс. руб. в год. На этой волне в 1891 г. новый проект введения военного налога для мусульман Туркестана предложил генерал-губернатор А.Б. Вревский.

По аналогии с принятыми в Закавказье нормами обложения администратор предлагал и в Туркестане начислять военный налог на каждые два человека с 1000 человек мужского населения, всего от общей численности мусульманского мужского населения – на 2600 человек ежегодно. Расчет суммы налога производился из среднего ежегодного заработка по региону – 30 руб., умноженного на 5 лет срока службы. Таким образом, по прогнозам А.Б. Вревского общая сумма военного налога могла составить 390 тыс. руб. в год или 12,5 % от взимавшегося в Туркестане поземельного налога и кибиточной подати (Котюкова, 2010: 55-56).

Как отмечает Е. Правилова, дальнейшее лоббирование вопроса в имперских административно-финансовых органах натолкнулось на межведомственное противоборство по вопросу адресата – получателя военного налога. А.Б. Вревский считал, что собранные от взимания налога суммы должны оставаться в местном бюджете и расходоваться, прежде всего, на решение региональных проблем – ирригацию и устройство путей сообщения. Министр финансов И.А. Вышнеградский был убежден, что денежные поступления по военному налогу необходимо переводить в Государственное казначейство. Со своей стороны, Главный штаб Военного министерства потребовал перечисления сумм военного налога в специальный фонд военного ведомства. Именно туда поступали средства, полученные от обложения мусульманского населения Кавказского края, которые в дальнейшем расходовались «на устройство туземных частей войск». Свои рассуждения по данному вопросу военный министр основывал также на том, что проектируемая сумма военного налога была несущественной как для общеимперского, так и для регионального бюджета и в целом не могла представлять интереса для фиска (Правилова, 2006: 189). Межведомственные противоречия затягивали положительное решение вопроса.

Только накануне русско-японской войны Министерство финансов направило в военное ведомство проект закона «Об установлении особого налога с населения Туркестана взамен отбывания воинской повинности». К его обсуждению приступили уже после ее окончания – в 1908 г. После рассмотрения на совещании при туркестанском генерал-губернаторе П.И. Мищенко законопроект также был одобрен и на региональном уровне (Котюкова, 2010: 57). Однако его передача в Государственную думу не состоялась. Это было связано с изменением позиций политической элиты в вопросе о целесообразности и рациональности привлечения коренного населения Сибири, Степного края и Туркестана к военной службе в рядах российской армии. С началом Первой мировой войны было принято окончательное решение о привлечении инородцев к тыловым работам. Вопрос о военном налоге больше не обсуждался.

5. Заключение

Налоговая политика Российской империи в Центрально-Азиатском регионе являлась важной составляющей процесса его модернизации. Она реализовывалась в русле правительственной дискуссии о рационализации экономики национальных окраин, повышении эффективности использования их ресурсов и снижении издержек центра на их содержание. Вопросы повышения рентабельности налоговой системы Степного края и Туркестана еще более актуализировались с началом англо-русского разграничения Среднего Востока. Поэтому начиная с 80-х гг. XIX в. государство активно обсуждало механизмы укрепления финансово-бюджетных связей метрополии с Центрально-Азиатским регионом, в том числе через создание системы прямого и косвенного налогообложения коренного населения, близкой к общеимперским стандартам.

Однако сформированная к 1917 г. региональная модель налогообложения коренного населения Степного края и Туркестана так и не стала унифицированной и приобрела ряд отличительных черт, что представляется вполне закономерным. Во-первых, она учитывала особенности традиционной экономики, опосредованной физико-географическим фактором. Поэтому системы начисления и выплаты налогов кочевым и оседлым населением значительно отличались друг от друга. Во-вторых, на их эволюцию существенное влияние оказывали исламофобские настроения части российской политической элиты и связанные с этим опасения вызвать недовольство мусульманского населения

проводившимися реформами. Этим объясняется ряд преференций в выплатах как прямых, так и косвенных налогов коренным жителям, которые были незыблемыми даже в ситуации постоянной правительственной дискуссии об увеличении налоговых сборов в регионе.

Кроме этого, решение проблемы рентабельности центральноазиатской налоговой модели значительно сдерживал ряд объективных факторов: не укомплектованность кадрами налоговых органов – поземельно-податных инспекций, несовершенство законодательства, ограничивающего возможности налоговых органов в сборе налогов, инертность региональных властей, особенности структуры занятости и доходов населения и т.д.

Поэтому вплоть до 1917 г. Центрально-Азиатский регион оставался дотационным в имперском бюджете. Лишь однажды, в 1909 г., российская казна получила от Туркестанского края прибыль в один миллион рублей (1/136 часть от всех государственных доходов). По данным дореволюционной статистики, в 1913 г. население центральноазиатских окраин, в том числе русское, составлявшее 6,3 % от общей численности населения империи, выплачивало в общероссийскую казну 2,3 % от общей суммы государственных налоговых поступлений. Налоговое бремя на душу населения составляло в регионе 2,5 руб. В то время как в Европейской России данный показатель равнялся 6,7 руб. на душу населения, в Привислинском крае (Польша) – 14,56 руб., в Прибалтийском крае – 28,17 руб. (Захаров, Петров, Шаццлло, 2006: 214).

В конечном итоге правительственные круги были вынуждены признать, что использование только данных о расходах и доходах России в Центрально-Азиатском регионе не может объективно отражать его роль в общеимперской экономике. Накануне Первой мировой войны они прекратили поиск средств повышения его рентабельности за счет увеличения прямого и косвенного налогообложения коренного населения.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00180 «Социально-экономическая модернизация центральноазиатских окраин Российской империи: междисциплинарные методы реконструкции и оценка эффективности»).

Литература

Алимджанов, 2016 – Алимджанов Б.А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Автореф. дисс. ... к.и.н. СПб., 2016. 53 с.

Васильев, 2018 – Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. 636 с.

Верховской, 1910 – Верховской Н.П. Хлопководство в Туркестане и перевозка хлопка по Ташкентской и Среднеазиатской железным дорогам. СПб., 1910. 83 с.

Вородюхин, 2014 – Вородюхин С.Е. Роль гербового сбора в бюджете Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 3. С. 159-165.

Всепопданнейший отчет по..., 1887 – Всепопданнейший отчет по Акмолинской области за 1887 г. СПб., 1888. 69 с.

Всепопданнейший отчет, 1899 – Всепопданнейший отчет военного губернатора Тургайской области за 1898 г. СПб., 1899. 98 с.

Вяткин, 1974 – Вяткин М.П. Социально-экономическое развитие Средней Азии. Историографический очерк. Фрунзе, 1974. 262 с.

Заорская, Александр, 1915 – Заорская В.В., Александр К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915. 557 с.

Захаров и др., 2006 – Захаров В.Н., Петров Ю. А., Шаццлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX веков. М., 2006. 294 с.

Котюкова, 2010 – Котюкова Т.В. «К воинской повинности они питают непреодолимое отчуждение». Освобождение народов Туркестана от военной службы в конце XIX – начале XX веков // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 55-61.

Лысенко, 2012 – Лысенко Ю.А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX – начало XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4/2 (76/2). С. 158-161.

Лысенко, 2013 – Лысенко Ю.А. К вопросу о налоговой политике Российской империи в отношении казахского общества // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2 (80). С. 176-183.

Мухамедов, 2015 – Мухамедов Ш.Б. Совет Туркестанского генерал-губернатора и определение тактики и стратегии в решении вакуфного вопроса в Туркестане (1887–1917): причины фиаско // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 266-299.

Оглоблин, 1914 – Оглоблин В.Н. Промышленность и торговля Туркестана. М., 1914. 80 с.

Отчет по ревизии..., 1910 – Отчет по ревизии Туркестанского края графом К.К. Паленом. Налоги и пошлины. Органы финансового управления. Спб., 1910. 301 с.

Отчет ревизующего по высочайшему повелению..., 1883 – Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. Спб., 1883. 463 с.

Правилова, 2006 – *Правилова Е.А.* Финансы империи: деньги и власть в политике России на нац. окраинах, 1801–1917. М., 2006. 453 с.

Проект всеподданнейшего отчета..., 1885 – Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, 7 ноября 1867 г. – 25 марта 1881 г. Спб., 1885. 503 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сабуров, 1899 – *Сабуров Я.* Материалы для истории русских финансов, 1866–1897. Спб., 1899. 209 с.

Яснопольский, 1890 – *Яснопольский Н.П.* О географическом распределении государственных доходов и расходов в России. Спб., 1890. Т. 2. 236 с.

Шахназаров, 1908 – *Шахназаров А.И.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае. Спб., 1908. 512 с.

Charginova et al., 2020 – *Charginova G.O., Mahaevab A.Sh., Kubeyev R.D., Bazarbayev K. K.* The Influence of Yettishar on Kazakh and Kyrgyzs of the TurkestanGovernor-General of the Russian Empire // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 55. Is. 1. pp. 142-151.

References

Alimdzhанov, 2016 – *Alimdzhанov B.A.* (2016). Ekonomicheskaya politika Rossiyskoy imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve (vtoraya polovina KhIX – nachalo XX vv.) [The economic policy of the Russian Empire in Turkestan governor-general (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Avtoref. diss. ... k.i.n. SPb. 53 p. [in Russian]

Charginova et al., 2020 – *Charginova G.O., Mahaevab A.Sh., Kubeyev R.D., Bazarbayev K.K.* (2020). The Influence of Yettishar on Kazakh and Kyrgyzs of the TurkestanGovernor-General of the Russian Empire. *Bylye Gody.* Vol. 55. Is. 1. Pp. 142-151. [in Russian]

Kotyukova, 2010 – *Kotyukova T.V.* (2010). «K voinskoy povinnosti oni pitayut nepreodolimoye otchuzhdeniye». Osvobozhdeniye narodov Turkestana ot voyennoy sluzhby v kontse XIX – nachale XX veka. [“For conscription, they have an irresistible alienation.” The liberation of the peoples of Turkestan from military service in the late XIX – early XX century]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal.* № 12, pp. 55-61. [in Russian]

Lysenko, 2012 – *Lysenko Yu.A.* (2012). Vopros o voinskoy povinnosti dlya kazakhskogo naseleniya (70-eg. XIX – nachalo XX v.). [The issue of military service for the Kazakh population (70s of the XIX - beginning of the XX century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta.* №4/2 (76/2), pp. 158-161. [in Russian]

Lysenko, 2013 – *Lysenko Yu.A.* (2013). K voprosu o nalogovoy politike Rossiyskoy imperii v otnoshenii kazakhskogo obshchestva [On the tax policy of the Russian Empire in relation to the Kazakh society]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 4–2 (80), pp. 176–183. [in Russian]

Mukhamedov, 2015 – *Mukhamedov Sh.B.* (2015). Sovet Turkestanskogo general-gubernatora i opredeleniye taktiki i strategii v reshenii vakufnogo voprosa v Turkestane (1887–1917): prichiny fiasko [The Council of the Turkestan Governor-General and the definition of tactics and strategy in resolving the waqf issue in Turkestan (1887–1917): the reasons for the fiasco]. *Metamorfozy istorii.* № 6, pp. 266-299. [in Russian]

Ogloblin, 1914 – *Ogloblin V.N.* (1914). Promyshlennost i trgovlya Turkestana [Industry and trade of Turkestan]. Moscow, 80 p. [in Russian]

Отчет по ревизии..., 1910 – Отчет по ревизии Туркестанского края графом К.К. Паленом. Налоги и пошлины. Органы финансового управления [Report on the audit of the Turkestan Territory by Count K.K. Palenom. Taxes and duties. Bodies of financial management]. Sant-Peterburg, 1910, 301 p. [in Russian]

Отчет, ревизующего по высочайшему повелению..., 1883 – Отчет, ревизующего по высочайшему повелению, Туркестанский край тайного советника Гирса [Report. auditing at the highest command. Turkestan Territory of Privy Advisor Girs]. Sant-Peterburg, 1883, 463 p. [in Russian]

Правилова, 2006 – *Правилова Е.А.* (2006). Финансы империи: деньги и власть в политике России на нац. окраинах. 1801–1917 [Empire finance: money and power in the politics of Russia outskirts]. М., 453 p. [in Russian]

Проект всеподданнейшего отчета..., 1885 – Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 г. – 25 марта 1881 г. [Draft of the most comprehensive report of Adjutant General K.P. von Kaufman on civil administration and organization in the areas of Turkestan Governor General. November 7, 1867 – March 25, 1881]. Sant-Peterburg, 1885, 503 p. [in Russian]

РГИА – Российский государственный исторический архив. [Russian State Historical Archive].

Сабуров, 1899 – *Сабуров Я.* Материалы для истории русских финансов. 1866–1897. [Materials for the history of Russian finance. 1866–1897]. Sant-Peterburg, 1899, 209 p. [in Russian]

Шахназаров, 1908 – *Шахназаров А.И.* (1908). Selskoye khozyaystvo v Turkestanskom kraye. [Agriculture in Turkestan]. Sant-Peterburg, 512 p. [in Russian]

Vasilyev, 2018 – *Vasilyev D.V.* (2018). Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentralnoy Azii. Vtoraya polovina XIX v. [The burden of the empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Second half of the XIX century]. M., 636 p. [in Russian]

Verkhovskoy, 1910 – *Verkhovskoy N.P.* (1910). Khlopkovodstvo v Turkeстане i perevozka khlopka po Tashkentskoy i Sredneaziatskoy zheleznym dorogam [Cotton growing in Turkestan and cotton transportation along the Tashkent and Central Asian railways]. Sant-Peterburg, p. 83. [in Russian]

Vorodyukhin, 2014 – *Vorodyukhin S.E.* (2014). Rol' gerbovogo sbora v byudzhete Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [The role of stamp duty in the budget of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3, Pp. 159-165. [in Russian]

Vsepoddanneyshiy otchet po..., 1887 – Vsepoddanneyshiy otchet po Akmolinskoy oblasti za 1887 g. [The most comprehensive report on the Akmola region for 1887]. Sant-Peterburg, 1888. 69 p. [in Russian]

Vsepoddanneyshiy otchet..., 1898 – Vsepoddanneyshiy otchet po Akmolinskoy oblasti za 1898g. [The most comprehensive report on the Akmola region for 1898]. Sant-Peterburg, 1899. 98 p. [in Russian]

Vyatkin, 1974 – *Vyatkin M.P.* (1974). Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Sredney Azii. Istoriograficheskiy ocherk [Social and economic development of Central Asia. Historiographical essay]. Frunze, 262 p. [in Russian]

Yasnopolskiy. 1890 – *Yasnopolskiy N.P.* (1890). O geograficheskom raspredelenii gosudarstvennykh dokhodov i raskhodov v Rossii [On the geographical distribution of government revenues and expenses in Russia]. Sant-Peterburg, T. 2, 236 p. [in Russian]

Zakharov et al., 2006 – *Zakharov V.N., Petrov Yu. A., Shatsillo M.K.* (2006). Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX veka [History of taxes in Russia. IX – the beginning of the XX century]. M., 294 p. [in Russian]

Zaorskaya, Aleksander, 1915 – *Zaorskaya V.V., Aleksander K.A.* (1915). Promyshlennyye zavedeniya Turkestanskogo kraya [Industrial institutions of the Turkestan region]. Pg., 557 p. [in Russian]

Система налогообложения коренного населения центральноазиатских окраин Российской империи и проблема рентабельности региона (70-е гг. XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе нормативно-правовых актов и делопроизводственной документации анализируется система прямого и косвенного налогообложения коренного населения центральноазиатских окраин Российской империи. Подчеркивается, что налоговая политика в данном этнорегионе являлась важной составляющей процесса его модернизации и реализовывалась в русле правительственной дискуссии о рационализации экономики национальных окраин, повышении эффективности использования их ресурсов и снижении издержек центра на их содержание. В связи с этим на протяжении 70-х гг. XIX – первого десятилетия XX вв. государством предпринимались различные механизмы, направленные на повышение общей суммы налоговых выплат коренным населением Степного края и Туркестана. В конечном итоге региональная модель налогообложения приобрела ряд отличительных черт, среди которых различные способы начисления и выплаты налогов кочевым и оседлым населением, предоставление ему преференций в выплатах как прямых, так и косвенных налогов. Автор приходит к выводам, что решение проблемы рентабельности центральноазиатской налоговой модели значительно сдерживал ряд объективных факторов: не укомплектованность кадрами налоговых органов – поземельно-податных инспекций, несовершенство законодательства, ограничивающего возможности налоговых органов в сборе налогов, инертность региональных властей, особенности структуры занятости и доходов населения и т.д. В результате правительственные круги были вынуждены признать, что использование только данных о расходах и доходах России в Центрально-Азиатском регионе не может объективно отражать его роль в общеимперской экономике. Поэтому накануне Первой мировой войны они прекратили поиск средств повышения его рентабельности за счет увеличения прямого и косвенного налогообложения коренного населения.

Ключевые слова: Российская империя, Степной край, Туркестан, налоговая система, рентабельность, прямые и косвенные налоги.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)